Приложение к № 167 газеты «Великолукская правда»

На перекрестках смерти и огня

Глава из книги «Разрушение плотины «Бейшлот»

– Григорий Германович! – Прозвучал приятного тембра баритон. Я поднялся со скамьи. Говорил член Военного Совета по тылу полковник Комиссаров:

– Военный Совет Армии поручает Вам очень важное и ответственное задание, в надежде на то, что Вы в самый кратчайший срок, и как можно основательнее, взорвете «Бейшлот», – и, наклонившись к столу, пальцем указал на карте место ниже озера Волго, соединенного протоками с озером Пено и другими озерами, в пятишести километрах северо-западнее станции Скакулино на Калининской железной дороге.

Мною овладело чувство беспокойства:

– Но ведь это же не железнодорожный объект?

– Это верно, – подтвердил он, – но сложившаяся на фронте обстановка вынуждает командование принять такое решение и выполнение его возложить на Вас.

Помедлив немного и, давая тем самым мне возможность осмыслить полученное задание, он продолжил:

– Вы посмотрите более внимательно на карту и ознакомьтесь с обстановкой. Наклонившись над картой, я впервые увидел широкий фронт, на котором вели бои наша 22-я и другие армии правого крыла Западного фронта. По фигурным красным и синим стрелам и некоторым количественным показателям, нанесенным на карту, можно было понять, что малочисленные соединения наших армий не смогли сдержать массированные удары немецких танковых группировок и вынуждены отходить на восток.

Всматриваясь в карту, я мысленно представил себе оборонительные сражения, которые так упорно вели войска уральских дивизий, из которых была сформирована 22-я армия, и огромное значение железнодорожного направления Калининской железной дороги Великие Луки – Торопец – Соблаго – Селижарово – Кувшиново – Торжок, на котором мы выполняли сложную систему заграждений при отходе войск армии. В те суровые осенние дни 1941 года бои на западном направлении и, в частности, на боевых участках 22-й и соседних армий носили ожесточенный характер. Фашистские захватчики рвались к Москве.

В период битвы под Москвой исключительное значение имело устройство заграждений на железных дорогах Западного фронта и, в частности, на Калининской железной дороге, начиная от Великих Лук, по двум расходящимся направлениям в сторону Москвы: через Торопец – Соблаго на Осташков и Торжок, а также через Западную Двину на Ржев. И тут я вспомнил, что взорванная нами сегодня и сильно деформированная главная ферма моста у станции Скакулино вместе с разрушенными остатками опор перегородит обмелевшее русло Волги.

– Как бы эта искусственная запруда не послужила дополнительным препятствием потоку воды? – уже полностью поглощенный мыслями о наиболее эффективном разрушении плотины, я решил, что эту ферму нужно дополнительными взрывами разорвать на части и выбросить вон весь завал из русла так, чтобы обеспечить свободной ход водному потоку в Волге.

Полковой комиссар, выводя меня из глубоких размышлений, спросил, всматриваясь немигающими глазами в мое лицо:

– Ну как, ясна ли Вам задача?

– Обстановку я понимаю, товарищ полковой комиссар, но что это за объект – себе не представляю. Да и не входит он в зону наших заграждений – далековат от железной дороги!

– Это не железнодорожный объект, – заговорил комиссар, – небольшая плотина подпирает колоссальный запас воды вышележащих озер, регулирует судоходный уровень в понизовье Волги. Взорвав плотину, – продолжал он, – мощный поток воды в короткий срок поднимет уровень реки, ликвидирует все броды, образовавшиеся на реке до Ржева, и этим создаст условия, позволяющие нашим войскам задержать гитлеровцев на волжском рубеже.

Комиссар снова помедлил, давая мне возможность как можно глубже осмыслить поручение командования и понять всю полноту ответственности за его выполнение, а затем продолжал:

– Вы, капитан, еще не все знаете. Большая вода у Ржева может появиться только на третьи сутки, а немцы рвутся к Волге, Ржеву и, рассчитывая воспользоваться бродами, хотят форсировать ее с хода, овладеть этим рубежом и приблизиться к Москве. Наши войска должны задержать противника на этом рубеже, – глядя на карту, он пальцем правой руки опять указал на Волгу, на Ржев, – И Вы им в этом поможете. Поэтому медлить нельзя, – твердо закончил полковой комиссар, при этом спокойно и внятно произнося каждую фразу.

Я собирался уточнить некоторые важные детали, но полковой комиссар, как бы угадывая то, о чем я намеревался спросить, упреждающим движением руки меня остановил и произнес:

– Таково решение Военного Совета фронта. Берите нужных Вам минеров-подрывников и отправляйтесь на плотину. Принимайте от командира саперной роты объект, взрывчатые вещества и … завтра же к 12 часам, чтобы плотина дала максимально возможный сброс воды в Волгу.

Этот разговор происходил в один из первых дней октября 1941 года, около 15 часов. А уже через час на полуторке мы ехали к «Бейшлоту»: я, мой помощник капитан Шапиро, шесть подрывников минно-подрывного взвода 6-й железнодорожной бригады лейтенанта Бедака и фотограф – рядовой Юдин Сергей Иванович, фотокорреспондент газеты «Известия», призванный по мобилизации и прикомандированный политотделом штаба армии к отделу Военных Сообщений.

Погода была хмурая. Дул сильный, с порывами, северо-западный холодный ветер с дождем и снегом. Нескончаемой чередой проносились над нами низкие свинцовые тучи. Правда, путь предстоял недолгий: плотина «Бейшлот» находилась примерно в десяти километрах северо-западнее станции Селижарово. Моя команда в открытом кузове полуторки сидела молча, накрывшись от непогоды задубевшими на дожде плащ-накидками. О полученном задании они еще ничего не знали. Я же, сидя в кабине рядом с водителем, все время думал о выполнении приказа командования. Но ничего конкретного пока не вырисовывалось, потому что о плотине у меня не было никаких сведений, кроме названия «Бейшлот», прочитанного на карте. Однако я же еду выполнять задание. «… Таково решение Военного Совета фронта…», – всплыли в моей памяти слова полкового комиссара. Так в чем же дело? Значит вопрос о разрушении «Бейшлота» командованием фронта уже был решен ранее. По какой-то причине задание оказалось невыполненным, и его еще раз подтвердил член Военного Совета армии.

– Важно другое, – успокоившись, думал я, – суметь взорвать плотину так, «…чтобы лишить немцев возможности форсировать Волгу с ходу…», – эти слова полкового комиссара продолжали звучать в моей памяти.

Старшего лейтенанта – командира саперной роты – я нашел в домике-сторожке неподалеку от плотины. О моем задании он уже знал, нашему прибытию откровенно обрадовался и предложил сразу же принять от него все – объект, взрывчатые вещества и материалы для взрыва.

– Я на этот счет получил приказ от своего командира и должен срочно убыть с личным составом роты на работы по укреплению оборонительного рубежа дивизии на левом берегу Волги, от которых меня оторвали три дня тому назад, – заявил он. – Вначале, товарищ старший лейтенант, ознакомите меня с объектом и с результатами вашей работы. Меня интересует, в частности, каким образом Вы пытались взорвать плотину, чтобы добиться максимального сброса воды в Волгу?

– Видишь ли, капитан, там, – кивнув в сторону плотины, начал объяснять сапер, – копается мой лейтенант, командир взвода, с людьми, но у него что-то ничего не получается. А я в этом деле мало разбираюсь, – признался он, виновато опустив голову.

Справедливости ради следует отметить, что этот старший лейтенант со своей ротой были опытными саперами-маскировщиками. Они не раз с честью выполняли важные задания. В свое время гитлеровское командование стремилось разрушить «Бейшлот», с тем, чтобы ликвидировать броды на обмелевшей Волге и прижать отходящие наши войска к труднопреодолимому волжскому рубежу.

Немецкая авиация совершала каждодневные облеты озера Волго и нещадно бомбили «Бейшлот», не подозревая того, что бомбят ложную плотину. Действительная же плотина саперами этой роты была умело и тщательно замаскирована. Образовавшийся затор из бревен после разрушения ложной плотины дополнял собой и маскировку ряжевых опор. При этом нашим саперам приходилось с большим трудом, ночью, в осеннее ненастье производить ремонтно-восстановительные работы на ложной плотине, устранять нанесенные ей разрушения и восстанавливать маскировку под реальную плотину. Наутро, обнаружив плотину восстановленной, враг вновь совершал свои авиабомбовые налеты. Демонстрация маскировки «Бейшлота» достигла намеченной нашим командованием цели: истинная плотина «Бейшлот» оставалась нераспознанной и исправной, хотя и забитой скопившимися лесоматериалами от разрушения ложной плотины.

Создание ложной плотины помогло нашим войскам, отходившим с упорными оборонительными боями, оторваться от врага и организованно, через созданные переправы и броды, отойти на левобережный волжский рубеж, где уже работали саперные части по созданию окопов, траншей, ходов сообщения, укреплений и других инженерных сооружений, а также минных полей на правобережных подступах к бродам на Волге, предназначенных для того, чтобы измотать силы противника на этом рубеже и задержать его продвижение к Москве.

В этой обстановке небольшая плотина «Бейшлот» приобрела большое значение потому, что она подпирала колоссальные запасы воды в целой системе озер, как бы нанизанных на исток Волги.

Наш путь к плотине, куда мы направились с моим помощником капитаном Н.И. Шапиро, не был приятной прогулкой. Идти мешали сильные порывы ветра и гололед. Верхний пешеходный настил плотины был разобран. Пространство между ряжевыми быками и береговыми опорами шлюзовых затворов было забито сплошным паковым заломом из бревен. Вся поверхность воды перед плотиной была сплошь покрыта лесоматериалом – бревнами разных размеров.

Плотина, кроме шлюзовых затворов, была деревянная. Брусья и бревна, из которых были сооружены ее элементы, обледенели.

(Продолжение на 6, 7, 8 стр.)

Партизаны

Верхневолжский бейшлот
(Фото С.М. Прокудина-Горского, начало XX века)

(Продолжение. Начало на 5-й стр.)

При сильном и порывистом ветре по ним без страховки невозможно было передвигаться. Ветер с дождем и снегом как бы стремился сбросить нас с обледенелых и скользких бревен. Но мы тогда не задумывались об этих сложных и опасных условиях работы. Главным было – быстрее разобраться в обстановке на плотине и в результатах работы саперов.

На мой вопрос, обращенный к лейтенанту, командиру взвода саперов, о том, как был намерен выполнить поставленную задачу, он ответил:

– Мы пытались открыть затворы шлюзов, но их заклинило бревнами, набившимися у шлюзов от поверхности и до самого низа в верхнем бьефе. Затем, – продолжал он, – мы пытались взрывами сорвать затворы шлюзов, но образовавшиеся в них рваные отверстия тут же забило бревнами затора. Теперь мы готовимся сделать несколько взрывов в самом заторе между быками, – протянул неуверенно лейтенант.

Собравшиеся возле нас воины роты с интересом прислушивались к нашему лаконичному диалогу и, как мне показалось, неодобрительно относились к выполняемой ими работе. Это первое впечатление тут же подтвердилось чьей-то репликой, брошенной из-за спины лейтенанта:

– Непонятное дело делаем. То старались, маскировали ее, а теперь портим?!

Лейтенант, как бы оправдываясь, повернулся на знакомый голос:

– Не портим, красноармеец Петров!

Солдаты, стоявшие впереди красноармейца, фамилию которого назвал их командир, чуть посторонились и Петров оказался перед нами. Боец, по возрасту значительно старше своего командира взвода, стоял вытянувшись. Среднего роста, коренастый, в поношенном, видавшем виды ватнике, прохудившихся брюках и сапогах, в ушанке набекрень, бравый сапер с иронической усмешкой смотрел в упор на лейтенанта.

– Нам приказали разрушить плотину, – продолжал офицер, – вон у старшего лейтенанта, – он кивнул головой на командира роты, – есть приказ.

– Ну, ежели приказ, – протянул Петров, – тогда другое дело. Об чем тут разговор. Только зачем портить ее, непонятно.

Красноармеец Петров был грамотным и опытным сапером, да и в минно-подрывном деле разбирался отлично. В этом я убедился позже, при подготовке к одновременному взрыву всей плотины. Но тут мне было важно другое.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился я к командиру саперной роты, – объявите бойцам приказ на разрушение плотины.

– Да, приказ есть, но он не у меня, – сбивчиво и смущенно ответил капитан.

– А где же он? – допытывался я.

– У командира части. Меня с ним познакомили в штабе бригады и я на нем расписался.

Из разъяснений командира роты и командира взвода саперов и из того, что мы увидели и услышали от красноармейца Петрова, нам стало ясно – потеряно дорогое время. Ни лейтенант, ни саперы не понимали поставленной им задачи. Поэтому вместо разрушения плотины ее «портили». Меня удивило это меткое определение сапера Петрова. Мой помощник и прибывшие со мной минеры-подрывники, внимательно слушая объяснения о работе саперной роты, то смотрели на забитые бревнами затворы шлюзов и проходящую через них воду, то бросали выжидающие взгляды на меня.

– Да, все понятно, – многозначительно произнес я громко, чтобы слышали все собравшиеся вокруг нас.

Всем было ясно – решение должно быть оптимальным. Перед объявлением своего решения, обращаясь к командиру роты, я спросил:

– Товарищ старший лейтенант, скажите, немецкая авиация наблюдала вашу работу на плотине?

– В течение последних двух дней, – ответил за командира роты лейтенант, – над «Бейшлотом» вертелась «Рама»*. (*«Рамой» на фронте называли итальянский самолет-разведчик за его характерную форму).

– Понятна, понятна обстановочка, – промолвил я вслух и попросил командира роты построить саперов, поставив на правый фланг минеров-подрывников, прибывших со мною.

Обведя строй взглядом, и сделав минутную паузу, я произнес:

– Товарищи! Командование армии поручило нам в кратчайший срок взорвать плотину с тем, чтобы завтра к полудню она дала максимально возможный сброс воды в Волгу. Требуется это для того, чтобы поднять уровень воды в реке и не дать возможности противнику сходу форсировать ее по бродам, захватить волжский рубеж, город Ржев и ближе подойти к Москве.

Переведя дух и сдерживая волнение, перехватившее мне горло, я продолжал:

– Для выполнения задания приказываю: немедленно приступить к подготовке одновременного взрыва всех пяти быков, двух береговых устоев и металлических конструкций шлюзовых затворов. Для этого на каждом ряжевом быке отрыть по пять, а на береговых устоях – по два колодца, на глубину 4 – 5 метров и опустить в них заряды до 50 килограммов каждый. К металлическим элементам шлюзовых затворов прикрепить накладные заряды.

Затем, установив нехватку ВВ и принадлежностей для взрыва, потребовал от командира роты, чтобы он к утру доставил на плотину еще 300 килограммов взрывчатки, а сегодня оставил взвод саперов во главе с лейтенантом для рытья колодцев и подготовки их к одновременному взрыву всей плотины.

– Всем ясна задача? – спросил я, обращаясь к стоящим в строю бойцам. Через мгновение с левого фланга донеслось:

– Ясно, чего же стоять? Работать надо, – эту фразу произнес все тот же сапер Петров.

– Приступить к работам! – скомандовал я и уже по-деловому обратился к командиру взвода саперов, чтобы он установил пост воздушного наблюдения за авиацией противника: – Сигнал воздушной тревоги Вам известен. Да, и вот еще, – добавил я, – проезжую часть плотины перекройте пешеходной панелью в две доски и сделайте трапы с нее на ряжевые быки, чтобы никто не свалился в затор.

Все оживились, как бы по-новому осмыслив задачу. У бойцов появился прилив энергии желание оправдать себя за проявленную до этого инертность, за потерянное время. Работа на плотине закипела по-новому. Саперы быстро смастерили пешеходную панель и трапы. Мы с лейтенантом спустились на быки, размер которых по верху составлял три на двадцать пять метров. На каждом из них, а затем и на береговых опорах, разметили места минных колодцев. Лейтенант расставил своих саперов. Бойцы, невзирая на стылую, слякотную и ветреную погоду, с энтузиазмом принялись за земляные работы. Рыть колодцы было очень трудно. Ряжи были забиты бутовым камнем, булыжником, валунами. За долгие годы вся эта «начинка» настолько уплотнилась, что представляла из себя сплошной монолит. Камни и валуны в этом грунте покоились, как в бетоне. Поэтому грунт в ряжах и в опорах приходилось рыхлить мелкими взрывами, долбить ломами. После двух метров из глубины колодцев все труднее становилось поднимать наверх грунт, особенно камни и валуны.

Людей не надо было торопить и подгонять. Все они, опаленные пламенем войны, познавшие горечь утрат и слезы народные, знали цену ратному труду и времени. Без устали, в поте лица, без перекуров они упорно трудились, буквально вгрызаясь в толщу ряжевых быков и береговых опор. Уяснив поставленную задачу, они почувствовали ответственность за порученное дело. Это и было источником их энтузиазма, инициативы и упорства.

Единой дружной командой работали саперы и минеры железнодорожных войск, рядовые и командиры, и даже фотограф Юдин.

Теперь, когда противник превосходящими силами теснил наши войска, он был заинтересован в сохранении плотины. Систематическими облетами акватории озера Волго он держал ее под своим контролем с воздуха и старался сорвать производство работ по разрушению плотины.

В багряном пламени заходящего солнца купались тяжелые тучи, гонимые ветром на юго-восток. Не смолкавший ни днем, ни ночью гул артиллерийской канонады то нарастал, то затихал и удалялся.

– Воздушная тревога! – неожиданный сигнал с поста ВНОС. Куда деваться всем, работавшим на ряжах плотины? Мы не успели еще сориентироваться, откуда летят вражеские самолеты, как шквал пулеметных и пушечных очередей, опередивший рев моторов двух немецких штурмовиков, пронесшихся на бреющем полете со стороны озера, оглушил нас.

Град пуль и осколков от разрывов мелких бомб со свистом пронизывал пространство над плотиной, впиваясь в ее ряжи и устои, в бревна затора, срезая ветви с деревьев. Этот, дважды повторенный налет вражеских штурмовиков, ошеломил нас своей неожиданностью. Оправившись от шока, я объявил:

– Всем оставаться на своих местах! Есть ли потери?

Потерь не было, но оказались двое раненых саперов, один из них свалился на бревно затора. Раненым оказался и минер Егоров из минно-подрывного взвода ж.-д. бригады. Нужно было спасти раненого, оказавшегося в заторе на бревнах. Благо, что в паковом заторе бревна устойчиво держали солдата, бросившегося на помощь сраженному вражеским осколком. Работы задержались. Нужно было оказать первую медицинскую помощь раненым и эвакуировать их. Тяжело ранены саперы Сергеев и Новиков, а минер Егоров получил пулевое ранение икроножной мышцы левой ноги. Все это существенно осложнило выполнение задачи, повлияло на настроение людей.

По мере того, как люди приходили в себя и обретали дар речи, все заговорили, осуждая наблюдателя за запоздалую тревогу. Пришлось обратить внимание на своевременность оповещения о воздушной опасности.

В надвигавшихся сумерках, в разрывах облаков просматривалась луна. Затем небо, освободившись от последних поредевших туч, осветилось бледным лунным светом. Звезды замерцали в сказочном куполе темно-синего небосвода.

Бойцы с еще большей энергией принялись за работу. Но не прошло и нескольких минут, как гул вражеских самолетов вновь ворвался на плотину. Все замерли на месте, в колодцах и около них, а кто был поближе к трапам и надстройкам – нырнули под их укрытие. Через несколько мгновений по следу полета немецких самолетов раздались разрывы, в воздухе повисли немецкие осветительные ракеты. Они, как мощные светильники, медленно спускаясь на специальных парашютах, освещали значительное пространство акватории озера и плотины.

В предвидении возможного налета штурмовиков я скомандовал прекратить работы, всем быстро подняться наверх и убраться в укрытия. Кое-где послышались выстрелы зениток и очереди зенитных пулеметов. Они сбивали немецкие «светильники». Одни из них в результате удачного попадания рассыпались мельчайшими искрами и быстро гасли, другие, израсходовав горючее, угасали, постепенно скрываясь в лесном и водном пространстве местности.

Через некоторое время, возвратившись к своим колодцам, бойцы вновь начали вгрызаться в толщу ряжевых быков и береговых устоев. Однако к трем-четырем часам ночи все вымотались настолько, что на ногах не могли держаться. Пришлось объявить двухчасовой перерыв.

На время отдыха плотина опустела. Саперы и минеры ушли в ближайшую рощу, где между развесистыми густыми елями развели небольшой костер и вокруг него на еловом лапнике, укрывшись плащ-накидками, быстро уснули. Лейтенант назначил охрану и выставил часовых, а мы втроем – капитан Шапиро, лейтенант и я – двинулись к домику сторожа плотины, обсуждая события последнего часа.

Хозяин домика – старик, покуривая самокрутку, сидел на низенькой скамеечке перед плитой. Лицо его по временам то ярче, то слабее освещалось огнем из открытой дверцы плиты, куда он изредка подбрасывал по одному полешку. Попыхивающая цигарка, торчавшая среди коричнево-желтой закопченной щетины усов и бороды вокруг его рта, опровергала кажущуюся дрему этого человека. Он не изменил своего положения, и когда мы вошли и поздоровались с ним. Не изменял его и тогда, когда порывы ветра ослабевали или, наоборот, наполняли раскатами взрывов и артиллерийских шквалов, доносившихся с юго-запада, где наши войска вели неравные и жестокие бои с фашистскими захватчиками. Его неравнодушное отношение к происходящему выдавало лишь усиливавшееся напряженное внимание к этой канонаде.

– Почему не спишь, отец? – нарушил я тревожное внимание старика. Он немного помолчал, затем, посмотрев на меня и снова повернувшись к печке, положил в нее пару полешек и глуховато, как бы нехотя, ответил:

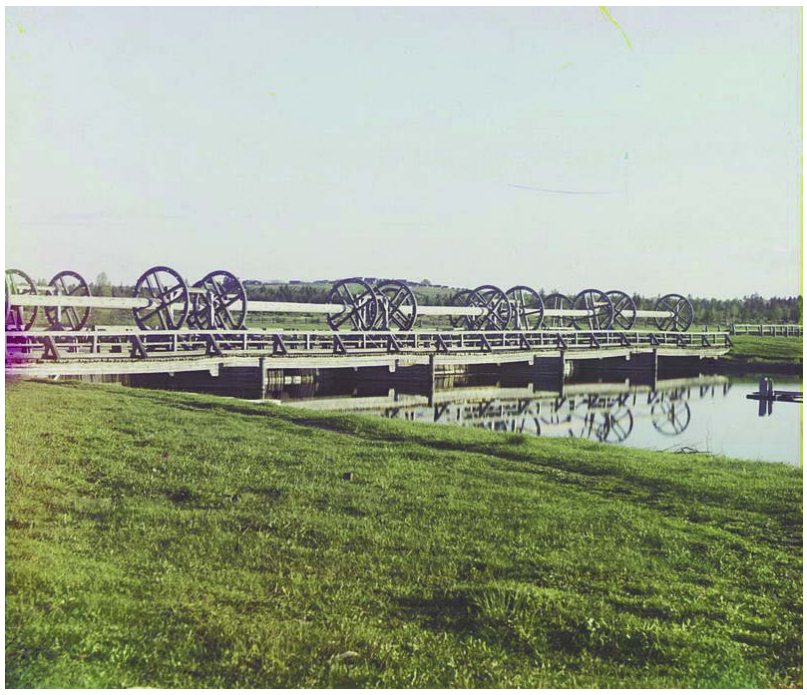
– Ничего, начальник, не волнуйся. Скоро отоспимся там… – махнув при этом вниз рукой.

– Чего же так, отец?

– А почему же не так? – ответил он вопросом на вопрос. – Вы пришли ее порушить, – кивком головы он указал на плотину, – так?

– Так, – ответил я.

– Значит, драпать собираетесь? А нам – под немца?! Так?!



Верхневолжский «Бейшлот» (фото С.М. Прокудина-Горского, начало XX века)

Острым немигающим взглядом широко открытых глаз он, казалось, припер меня к стене.

– Ну, зачем же так обижать нашу армию, – начал я, думая, как бы попроще, но убедительнее ответить на такой острый и прямой вопрос старика. – Наши войска не драпают, они отходят в жестоких оборонительных боях с превосходящими силами врага, прилагают все усилия к тому, чтобы задержать его на выгодных для обороны естественных рубежах и нанести врагу максимальный урон.

– Это так, – согласился старик. – Однако зачем же плотину порушать? – И тут же опустил голову, видимо, поняв что-то важное, отчего он был недоволен нашими войсками за отступление.

– Формально Вы правы, – продолжал я, – но для того, чтобы задержать превосходящие силы врага, нужно поднять быстро уровень воды в обмелевшей Волге, ликвидировать броды с тем, чтобы на ее левом высоком берегу создать достаточно мощную оборону и не пропустить немца к Ржеву и Москве.

– Ну что ж, коли так, то, – помолчав немного, он продолжил, – жаль «Бейшлота». Ноне ему исполняется сто лет с тех пор, как его построили, – неожиданно сообщил старик.

– А кто плотину строил? Почему у нее такое название нерусское? – спросил я его. Помолчав немного, как бы собираясь с мыслями, старик заговорил:

– Эта плотина была построена еще в одна тысяча восемьсот сорок третьем году* шведом, которого пригласило царское правительство. (* Верхневолжская плотина, находящаяся в 8 км ниже озера Волго, была сооружена в 1843 г. для регулирования стока воды из озер: Верхит, Стерж, Вселуг, Пено и Волго.) Тогда ведь своих, русских инженеров не было. Вот царь и велел пригласить шведа, – повторил старик. – И тогда же шведский инженер, – продолжал он, – дал ей такое шведское название «Бейшлот», а по-нашему, по-русски, это означало «Верхняя плотина». Вот так-то, – и с горечью в голосе заключил: – А вы ее в дни столетия разрушаете. Разрушать – не строить!

По всему было видно – старик глубоко переживал возможную утрату этой плотины, которую он охранял и где управлял шлюзовыми затворами. За долгие годы работы здесь он с ней сроднился. Он отлично знал, когда воду надо держать и когда ее сбрасывать, сколько шлюзов и на какое время открывать, чтобы в понизовьи до Ржева этой рекой могли пользоваться колхозы и все прибрежные поселения. Поэтому он ее жалел, как свое детище.

С большой похвалой он отозвался и о саперах, рассказав, как они плотину тщательно маскировали от воздушного наблюдения немцев. Фашистские летчики, выискивая плотину, совершали облеты озера по нескольку раз в день и, найдя ложную, специально созданную военными строителями, бомбили ее с особым ожесточением.

Теперь, чтобы окончательно убедить Федотыча в целесообразности наших действий, я добавил: – Когда немцы пытались обнаружить «Бейшлот» и бомбили то, что им подстроили военные строители – саперы, – сказал я, – они стремились разрушить плотину и этим создать водный рубеж – препятствие, которое усилило бы трудности отходящим нашим войскам и позволило бы немцам разбить их еще здесь, на левом берегу. Но у них из этого ничего не получилось. И Вы, отец, это сами видели. А помогла в этом ложная плотина!..

Верхневолжский «Бейшлот»

– Еще как! Если бы не она?.. – И старик остановился, как бы поняв внезапно что-то такое, что раньше не укладывалось в его голове.

– А теперь, – добавил я в заключение, – когда наши войска, создав ряд оборонительных рубежей, минных полей, разрушений и заграждений на автомобильных и железных дорогах, смогли задержать врага на этих препятствиях успешно, без затруднений, переправиться за Волгу… – я остановился, сделал паузу для того, чтобы старик получше это уразумел, – теперь в самый раз настало время врага задержать перед этой водной преградой, измотать и обескровить его.

Такое разъяснение для Федотыча, как мне показалось, было убедительным и понятным, и позволили ему по-своему оценить это событие. Окончательно успокоившись, он сказал: – Ну что ж, война есть война. Она не только мосты и плотины разрушает – людей губит. Прогнать бы только немца. А плотину наш народ построит еще лучшую, и будет она не только воду регулировать, но и свет давать нашему колхозу.

В этой откровенной, но затянувшейся беседе незаметно пролетели два часа, отведенные для отдыха команде.

На улице брезжил рассвет. Легкий мороз, подернувший лужи стеклянной корочкой, приятно взбадривал. В безоблачном небе медленно угасали звезды. Ветер утих. Не утихал только гул боя на передовой. В этой тишине он, казалось, значительно приблизился. Явственней слышалась и артиллерийская канонада. Вскоре на плотине собрались бойцы взвода саперной роты и минеры железнодорожной бригады. Отдохнувшие, они с новой силой и энергией взялись за работу. Однако чем глубже под действием последовательных малых взрывов опускались минные колодцы, тем труднее приходилось бойцам удалять на поверхность грунт, камни и валуны. А время уходило быстро.

В то же время серия взрывов в колодцах нарушала структуру монолита ряжевых быков. На глубине более трех с половиной метров просачивающаяся через боковые стенки колодцев вода уже мешала работам по дальнейшему их углублению.

Предположив, что в зоне взрыва разрушительная сила заряда доделает то, что минерам уже было не по силам, я решил, что достигнутая глубина колодцев достаточна, чтобы опустить в них заряды.

За ночь командир минно-подрывного взвода 6-й железнодорожной бригады лейтенант Н.А. Бедак по моему указанию доставил на плотину часть артиллерийских и авиационных боеприпасов. К тому времени мы научились их использовать при устройстве заграждений на железнодорожных участках. Инженерная служба армии не в состоянии была удовлетворить возросшие потребности желдорвойск при устройстве заграждений на железнодорожных участках во время отхода наших войск.

К моменту опускания зарядов в колодцах набралось порядочно воды. Пришлось установить особый порядок и определить меры безопасности. Минеры действовали осторожно, но четко и уверенно. На дно колодцев в первую очередь опустили артснаряды и авиабомбы. Затем осторожно опустили в боевом снаряжении ящики с ВВ* (*ВВ – взрывчатые вещества). Забивки колодцам не делали. Прибывавшая вода была отличной «забивкой», она должна была обеспечивать увеличение разрушительной силы взрыва. Бикфордовы и детонирующие шнуры, как провода, протянули из колодцев к зажигательным трубкам и запальным шашкам. Таким образом, к десяти часам утра следующего дня все сооружения плотины были подготовлены для взрыва в две очереди.

В первую очередь входило одновременное разрушение всех пяти ряжевых быков и шлюзовых затворов. Во вторую – двух береговых опор.

Для управления всем ходом работ я выбрал себе место на носовой части среднего ряжа, откуда мне было удобно наблюдать за работой минеров, подавать им команды. Да и они хорошо меня видели и, чувствуя непосредственный контакт со мной, действовали более уверенно. Быть всегда в боевой зоне работы минеров-подрывников являлось немаловажным моральным фактором. Этот принцип я соблюдал всегда во время взрывных работ, которые мне приходилось производить 1933 и 1934 гг. в мирных условиях, в период борьбы с ледоходом на автодорожной печкинской переправе через реку Днепр, а также и в этом году при устройстве заграждений на железнодорожных участках Великие Луки – Торопец – Соблаго – Селижарово – Кувшиново.

Минеры заняли боевое положение у зажигательных трубок активных зарядов. Их отход после поджигания фитилей был определен так, что, действуя уверенно и быстро, они вполне успевали выбраться с ряжевых быков и укрыться в безопасном месте по левую сторону плотины.

По сигналу: – «Приготовиться!» – «Поджигай!», – фитили задымились. Стоя на носовой части ряжа, я засек время и внимательно наблюдал за сноровистой и четкой работой подрывников. В свою очередь и они, перебегая от одного заряда к другому, наблюдали за мной. И вот последние заряды подожжены. Бойцы быстро сбегают по трапам. Уходя последним, я поглядываю на часы. Стрелка секундомера не торопясь приближалась к той точке, когда должен произойти одновременный взрыв всех двадцати пяти зарядов, заложенных в пяти колодцах на каждом ряжевом быке и на пяти шлюзовых затворах плотины… Взрыв!.. Он потряс все окружающее. Мы, даже находясь в укрытии, инстинктивно пригнулись. Взрывная волна сопровождалась неимоверным гулом, треском и ударами падавших обломков дерева, бревен, земли, камней и валунов, взметнувшихся силой взрыва высоко вверх и разлетевшихся в стороны вокруг плотины в радиусе до семидесяти–восьмидесяти метров.

По мере того, как утихал эффект взрыва, все поднятое вверх с силой падало на землю, ломая и круша то, что попадалось на пути. Однако возникшее было после взрыва движение затора, вдруг застопорилось.

Выждав положенное после взрыва время, мы подошли к плотине и увидели, что во вздыбившемся заторе стоят два быка, освобожденные от надстроек, и, сопротивляясь страшному напору воды и бревен, все еще стараются преградить путь реке. Мы стояли в изумлении. Что произошло? Чем вызвана задержка взрывов? Ведь они и теперь еще могут последовать в любую секунду!

Движением руки я заставил всех броситься в укрытия. Нужно было выждать еще десять-пятнадцать минут. Томительно тянулись эти минуты. Однако взрывов не последовало и по истечении этого времени. Вновь выйдя из укрытия, мы подошли к плотине и вскоре поняли, в чем дело: образовавшийся поток воды с бревнами в промежутках между взорванными быками и опорами, создав новый затор, способствовал как бы самовосстановлению плотины. Второй бык, наперекор судьбе, продолжал упорно сопротивляться потоку. Он то и дело «перехватывал» крупные бревна, как бы стараясь восстановить прорану в запруде. Четвертый бык, хотя и был сильно поврежден, тоже сдерживал развитие прорана в плотине и сопротивлялся напиравшему паковому залому. По опыту производства взрывных работ мне было ясно, что на какие-то доли секунды взрыв зарядов на соседних быках произошел раньше, чем на втором и четвертом, и взрывной волной огневая сеть на этих быках оказалась частично или полностью разрушенной. И вот новая проблема: как теперь к ним пробраться через разрушенный первый бык, чтобы установить причину неудачи и все же их взорвать?

От берегового устоя, где мы стояли, и до второго ряжа свободный пролет составлял около пятнадцати метров. Все проявляли беспокойство и предлагали разные малореальные проекты.

– Была бы лодка, – произнес сапер Петров.

– Ну и что? – возразил вопросом минер Степанов.

– Как что? – стоял на своем Петров, – С нее и высадиться на ряж!

(Окончание на 8-й стр.)

(Окончание. Начало на 5, 6, 7 стр.)

– А дальше-то что? – продолжал припирать его Степанов.

Петров не настаивал – видимо, понял несбыточность этого предприятия.

– Достать бы хороший конец веревки с якорем, – как бы про себя произнес минер Киреев.

– И что ты с ней стал бы делать, малыш? – опять наступал Степанов.

Мне, однако, показалось, что у Киреева есть какая-то полезная задумка. И тут в разговор вмешался Федотыч, с которым минувшей ночью мы беседовали в сторожке:

– Вон там у берега в чащобе есть лодка и веревка с якорем. Возьми их, парень, – сказал он Киреев, – может, и впрямь они тебе пригодятся.

– Что же ты, батя, раньше-то молчал? – И Киреев посмотрел на меня, как бы спрашивая разрешения.

Его намерение показалось мне многообещающим, и я решительно сказал:

– Давай, Алеша! Прихвати-ка Довбню и дуйте быстрее!

Оба тут же двинулись вслед за Федотычем к реке.

Алеша Киреев и Антон Довбня за три года действительной службы в железнодорожных частях крепко сдружились. Их дружбе по-доброму завидовали, уважали за крепкое боевое товарищество и ревностное отношение к выполнению своего служебного воинского долга.

До призыва на действительную службу Алексей Киреев работал слесарем депо Новобелица, а Антон Довбня – путевым рабочим дистанции пути в Полтаве. По призыву в армию они, одногодки, служили в одном железнодорожном полку, где прошли курсы и практику по минно-подрывному делу.

Если первый был мал ростом, то второй – на две головы выше, но зато оба отличались хорошей физической подготовкой и закалкой, ловкостью, быстротой и точностью в движениях, умением и смекалкой, отвагой и решительностью. И все же по характеру они были разные. Если Киреев был разговорчивый, открытый и веселого нрава человек, то Довбня, наоборот, – молчалив, более замкнут и держался как бы за спиной друга – на втором плане. Возможно, это различие характеров и позволило им крепко сдружиться, так, что по одному взгляду они понимали друг друга.

Найдя спрятанную лодку, друзья сняли с нее длинную причалочную цепь и, связав морским узлом с прочной витой веревкой якоря, направились к плотине, захватив по пути из укрытия запасные принадлежности для взрыва и часть ВВ.

Тем временем я озабоченно изучал досадную помеху, вставшую на нашем пути. Длинные мощные бревна, продолжая с потоком попадать в распор между береговыми устоями и остатками взорванных ряжей, частично поврежденным четвертым и неразрушенным вторым быком, сдерживали затор, все больше и больше препятствуя потоку воды. Наблюдая эту картину, я глубоко переживал, что мы упускаем дорогое время, не добившись максимального сброса воды в Волгу. Впрочем, успех предприятия, к которому готовились отважные минеры, явился бы залогом того, что задание будет выполнено…Довбня подошел ко мне со сложенным вдвое концом веревки с якорем, весившим не менее пяти килограммов. Замысел бойцов для меня был ясен. Я только спросил:

– А выдержит?

– Выдержит, товарищ капитан, – ответил Довбня и попросил всех отойти подальше от берега.

Затем, замахнувшись своим сложным лассо над головой, он сильным и ловким броском метнул его. Якорь взметнулся над плотиной и, как коршун с раскрытыми когтями, полетел на ряж второго быка, увлекая за собой веревку, крепко удерживаемую сильными руками Довбни. Упав с противоположной стороны быка, якорь своими лапами прочно зацепился за его бревна. Со всей силой натянув повисший канат над неспокойным затором, Довбня свой конец веревки накрепко завязал за столб у барьера затворов.

В действиях минера Киреева я был уверен. Ему не нужно было давать детальных указаний и инструкций, что и как делать. Если он уяснил суть вопроса, все остальное сделает сам. И как сделает Киреев, никто другой сделать не сможет. Это был весьма опытный боец, ловкий, смелый, решительный и отважный подрывник. Быстро закончив свои приготовления, Киреев подошел ко мне и, глядя в глаза, доложил:

Верхневолжский «Бейшлот» (фото С.М. Прокудина-Горского, начало XX века)

– Товарищ капитан, я готов выполнить Ваше задание.

– Все ли предусмотрел, Алеша?

– Все, товарищ капитан.

– А фитиль какой?

– На десять минут, товарищ капитан.

– Успеешь ли справиться?

– Вполне!

– Ну, в добрый час! Только действуй спокойно и уверенно.

Киреев по натянутому Довбней канату, как цирковой артист, обхватив канат ногами, перебирая его руками, стал быстро и ловко продвигаться к быку. Все замерли. Я засек время: сколько его потратит он на эту опасную, рискованную переправу? О том, что Киреев переберется туда и обратно, у меня сомнений не было. Но не сорвется ли якорь? Не оборвется ли непроверенный составной канат? Но, вспомнив, с какой силой натягивал его Довбня, завязывая за столб, я почувствовал уверенность, что все будет в порядке. И все же, наблюдая за действиями Киреева, я мысленно твердил, шевеля губами: «Держись, парень, держись… быстрее, быстрее.., – и, глядя на часы, считал минуты, – четыре… пять… шесть…»

Вдруг огромное бревно вздыбилось в неспокойном заторе на водосливе... Все ахнули и замерли в ужасе… Страшная опасность нависла над Киреевым: свались бревно на канат – тот оборвется и смельчак неотвратимо рухнет вниз…

Машинально подняв руку вверх, я произнес: – Только тихо…

Киреев, заметив поднявшееся бревно, остановился лишь на мгновение. Затем решительно двинулся вперед, все убыстряя ход к танцующему бревну. Приблизившись к нему почти вплотную, он только намерился оттолкнуть его в сторону от каната, как бревно, покачнувшись, соскользнуло, полетело вниз и мгновенно скрылось в общей массе бурлящей воды и древесины.

Все с облегчением вздохнули. Меня же прошибло холодным потом.

А что же Киреев? Он только ускорил свое передвижение по канату и вскоре осторожно, но ловко взобрался на ряж. Надежнее перекрепив якорь, он обследовал заряды в каждом колодце и, видимо, установил причину повреждения огневой цепи.

Восстановив огневую цепь с помощью принадлежностей, прихваченных с собою, Киреев подал сигнал:

– «В укрытие!», – а сам поджег фитиль у одного из активных зарядов и, оградив его так, чтобы брызгами разлетавшейся воды его не загасило, поджег бикфордов шнур достаточной длины на другом активном заряде. Затем он быстро перебрался на канат и пустился в обратный путь, стараясь скорее удалиться от опасного места.

Все уже были в укрытиях. На берегу оставался лишь Довбня, который, стоя у края береговой опоры, с волнением следил за всеми операциями друга, готовый в любой момент броситься ему на помощь.

Я тоже внимательно наблюдал за действиями отважного минера и продолжал хронометрировать время, которое он затрачивал на возвращение к береговой опоре. На обратный путь по канату Киреев потребовалось ровно четыре минуты. Выбраться на береговой устой ему помог все тот же Довбня, который от переполнявших его волнения и радости готов был нести своего друга на руках. Через минуту оба оказались в укрытии. А спустя еще две минуты прогремел мощный взрыв.

Выждав положенное после взрыва время, когда прекратился град падающих обломков бревен, камня и грунта, мы вновь побежали к плотине. Мощный сплошной поток с огромной силой и невообразимым гулом завладел всем пространством между двумя береговыми устоями и занимал более пятидесяти пяти метров живого сечения плотины. Четвертый ряжевый бык, уже имевший повреждения в носовой и средней части ряжа, теперь несущимся на него с невероятной силой потоком воды и бревен, буквально «таял» на глазах, а затем и полностью скрылся под потоком.

Все провалилось и понеслось с невероятным треском, шумом, грохотом и гулом. Мчавшиеся в этом бурном потоке бревна, треща и кружась, совершали какой-то танец! Освободившись от сковывавших ряжевых быков и шлюзовых затворов плотины, колоссальная масса воды и бревен с огромной силой ринулась в разверзшееся отверстие «Бейшлота». Этот треск и уханье, вырвавшиеся из ревущего и бурлящего водопада, несущего бревна, камни, валуны и грунт, заглушали собой артиллерийскую канонаду и взрывы авиабомб, доносившиеся со стороны фронта.

В бурунах этого пенящегося и низвергавшегося страшного, раскрепощенного коричнево-черного потока бревна кувыркались, как спички, и какой-то невероятной внутренней силой выбрасывались вверх, а потом вновь поглощались и уносились прочь, вниз по течению Волги. Никогда до тех пор не приходилось мне наблюдать столь величественной и одновременно жуткой картины неудержимого разгула стихии! И хотя стоять поблизости было небезопасно, мы с нескрываемым удовлетворением наблюдали за действиями освобожденной титанической энергии воды. То, чего не сделали взрывы, после которых еще продолжали висеть бревна венцов на торчащих стойках ряжей, доделал этот страшный ревущий поток воды, камней и бревен. «Бейшлот» прекратил свое существование. Максимальный расход воды, надежно сдерживавшийся столетней плотиной, был достигнут. В живом сечении прорана в бывшей плотине он составлял девятнадцать-двадцать тысяч кубических метров в минуту. Мощный вал воды, насыщенный бревнами, покатился по обмелевшему руслу Волги, заполняя его. Стоя на заминированном береговом устое, я думал: «Надо ли разрушать их? К тому, что сделано, разрушение еще и устоев мощности потоку не прибавит». И тут же отдал команду:

– Разрядить и убрать взрывчатые вещества из обоих устоев!

Люди еще долго продолжали стоять у разрушенной плотины, наблюдая за ревущим потоком. Они знали, зачем это было сделано. Но о чем они думали? Конечно, не о доброй славе нашей отступающей армии. По выражению их суровых, утомленных, бледных лиц и грустных взглядов угадывались горькие и недобрые думы о приближающемся враге, об отходе наших войск, о предстоящей тяжелой борьбе с оккупантами.

Двое из группы стоявших людей подошли ко мне и подали записку члена Военного Совета армии товарища Комиссарова. В ней было распоряжение передать им все оставшиеся взрывчатые вещества и другие материалы для минирования и подрывания. Эти люди уходили в создаваемый партизанский отряд.

Уезжая с плотины, я вдруг вспомнил то, о чем думал в начале операции: «Не создаст ли разрушенная и искореженная ферма железнодорожного моста у станции Скакулино серьезное препятствие потоку?»

Каково же было наше удивление, когда, подъехав к мосту, мы увидели эту ферму в пятидесяти-шестидесяти метрах ниже моста, лежащей вдоль реки среди бревен, прижатой к излучине правого берега!

– Вот это силища! – воскликнули все разом.

Здесь этот мощный вал воды и бревен сделал свое дело – проложил себе дорогу, освободив русло реки от загромождавшего ее препятствия. И Волга ринулась от Селижарово на Ельцы, Мининские Дворы и Петуново к Ржеву.

Задача по срочному разрушению верхневолжской плотины «Бейшлот» и обеспечению максимального сброса воды верхневолжских озер в Волгу была выполнена.

Прохождение мощной волны по обмелевшей Волге было зафиксировано всеми войсками, занимавшими оборону на его левом берегу. Командование, получив такую информацию из войск, в моем докладе уже не нуждалось. Меня никто не спрашивал, каким путем, какими усилиями было достигнуто выполнение ответственного задания. «Бейшлот» уже никого не интересовал. Штабы занимались решением других неотложных боевых задач.

Войска продолжали упорные оборонительные бои, а мы вновь вернулись к выполнению своей непосредственной военно-технической задачи – устройству заграждений на железнодорожном направлении Селижарово – Кувшиново, в полосе действия 22-й армии. Враг не прошел!

Это позволило советскому командованию добиться некоторой стабилизации обороны наших войск по рубежу левого берега Волги и по железной дороге перебросить из армий правого крыла фронта (22-й, 29-й и 31-й) семь стрелковых дивизий на можайский рубеж обороны Москвы и в район Калинина.

Усилия и деятельность офицеров военных сообщений армии, железнодорожных и инженерных войск явились неразрывной частью напряженных оборонительных боев, проведенных войсками 22-й армии Западного фронта в 1941 году в битве за Москву. Контрнаступление Красной Армии на западном направлении, начавшееся 5-6 декабря 1941 года с участием войск Калининского и других фронтов, развернулось почти одновременно на огромном пространстве от Калинина до Ельца.

15 января 1942 года части 22-й армии заняли Селижарово, а 16 января они вышли на правый берег Волги. Пришло освобождение и к населению верхневолжских озер от немецко-фашистских захватчиков.

Начался трудный, но радостный период восстановления того, что было разрушено при отходе наших войск и разгроме войск противника.

* Настала очередь возрождения и бывшего «Бейшлота». В 1943 году на месте старой деревянной верхневолжской плотины была построена бетонная плотина с проезжей частью для автотранспорта. При этом ее подпорный уровень воды с озера Волго стал значительно выше прежнего. Вступившая в строй новая плотина стала снова выполнять свою полезную народнохозяйственную задачу.

Г.Г. МИРОШНИЧЕНКО

(*Правка моя. Взято из интернета (Э.Г.)